СВЕРЯТЬ СЕБЯ ПО ВРЕМЕНИ

Вроде бы недавно были такие времена, когда поэты, оставив свои дела, закидывали за плечи рюкзачки и отправлялись в дорогу. Куда? А это куда позовет тот жизненный компас, который все время превращал их в непосед. Он приобщал их ко времени, в котором они жили. Даже маститым многокнижным поэтам совсем не чуждой была романтика дорог. А что уж говорить о тех, кто только входил в поэтическую славу.

– Старик, не махнуть ли нам с тобой на БАМ? Ты по своим журналистским делам, ну и я чем могу помогу.

Одно утаил нижегородский поэт Валерий Анатольевич Шамшурин, приглашая в дорогу: он-то ехал явно за стихами. Но лучше слукавить, а вдруг разминется путь с той неведомой музой, которая обитала в таежных краях, и ограничится поездка теми газетными строками, которые удастся привезти.

Валерий Шамшурин был чуть постарше тех, кто приехал строить Байкало-Амурскую магистраль. И это было очень кстати. У него уже был опыт целины, и он хорошо знал, как варить щи и простирывать рабочую робу. Без жизненного рукоделия хоть поэт ты, но все нахлебник, неумейка, созерцатель и явно лишний человек на разворачивающейся стройке. Никто и не заметит, как ты приехал и уехал. И кто ты был, никто не скажет! Так, тень на великой стройке!

Помню, как к нам подошли ребята из комсомольского штаба:

– Валерий Анатольевич, просим вас, помогите провести свадьбу. Ребята всё молодые, никто не знает, как это делается.

Как тут откажешься. Вперед! Слышу только:

– Старик, танцы и пляски за тобой.

– Да, Анатолич, я танцор аховый.

– Тогда пляши без устали.

Что это была за свадьба! «Горько» перемежалось взрывами смеха… Родители не рискнули приехать, и напутствовать молодых на дальнюю жизненную дорогу было некому.

И тут зазвучали стихи… И свадьба замерла… Такого не водилось, чтоб с «правдашними» стихами, только что написанными, тепленькими, узнаваемыми… Землякам – от поэта-земляка, за столько верст...

А когда вышли на крыльцо клуба в прохладу таежной ночи, по небу, над сопками, полоснул метеорит… Вы забудете это когда-нибудь?

Вот так мы ездили за стихами.

Когда-то поэты сверяли себя по времени, определяя в нем свою нужность. Это было им необходимо. Отзучал колоколом БАМ… А отзвучал ли?..

Стихи Валерия Анатольевича Шамшурина — это цельный дневник его жизни. Можно представить, каков он стал по объему за восемь десятков лет, с которыми мы его и поздравляем. И наш БАМ в этом дневнике лишь небольшой вкладыш. Но главное, что он есть.

Вячеслав ФЕДОРОВ

Стихи разных лет

Из книги «Ливни» (1968)

* * *

Умирала старуха утром.
Угасала, как свечка, просто.
Рассыпала берёза кудри
Над тоскливым сельским погостом.

Хоронили старуху
вместе
Со старинной тягучей песней,
С пересудами о богах
И с мозолями на руках.

На могиле речей не читали.
Только бабы две причитали.
А в избе лежал, как покойник,
Опрокинутый кем-то подойник.

Ливень

В асфальт, в дома, в собак, в людей,
В портреты, в гомон площадей
Прямой решительностью линий
Ударил ливень.

Всё вмиг намокло, потекло.
И вспененные, точно в мыле,
Дома по улицам поплыли,
Отфыркиваясь тяжело.

* * *

О таинство природы!..
Летний гром
Шатает небо, лес и всё заречье.
И дождь, звеня разменным серебром,
Стремится к нам с невысказанной речью.

Деревья – оперение Земли –
Взъерошены, растрёпаны, помяты.
На луг вповалку травы полегли,
Как до смерти уставшие солдаты.

Гром – будто взрыв. Он – вызов тишине.
Как будто бы она его взбесила…
А я смеюсь, давно известно мне:
Впустую он растрачивает силы.

* * *

Головою в ладони:
Сны мои, сны мои.
В снах тех – дикие кони
Синие, синие.

Синий всплеск, точно выстрел.
И из чистых озёр
Поднимается быстрый
Конь, как синий костёр.

Вот заржал он, и звёзды
С неба падают в степь.
Как ему это просто –
Спрятать ветер в хвосте.

И помчаться, помчаться.
Удержаться невмочь.
И, как счастье, как счастье, –
Под копытами ночь.

Вновь дорога любая
Далека и легка.
И трава голубая
Вновь щекочет бока.

Пусть не знают погони
Сны мои, сны мои,
Где живут эти кони
Синие, синие.

Из книги «Красный день» (1976)

* * *

Встану – строчку зачеркну,
скрипну половицей,
гляну в ночь и зачерпну
из ведра водицы.

И заплачу оттого,
что живу на свете,
что над белою травой
белый месяц светит,
что над стогом спит звезда,
что при всех удачах
так я больше никогда
в жизни не заплачу.

* * *

Тамаре

Хозяйка целовала нас,
когда мы просыпались,
улыбкой,
словно солнышком,
была озарена.
В глазах
и на губах её,
в её морщинах, плавясь,
светилась
незабытая далёкая весна.

Опали горы снежные,
что нанесло метелью…
Мы были очень молоды,
и рядом на стене
висела фотография
над нашею постелью,
где жили
лица мальчиков,
убитых на войне.

Мы были очень молоды,
мы только поженились,
и многого,
конечно же,
нам было не понять.
Мы были очень молоды,
и радуги нам снились…
И подтыкала простыни
хозяйка,
словно мать.

Варна

Прихлынет к берегу волна
и отплеснёт,
светясь янтарно.
И вырастет из пены Варна,
вся-вся до камушка видна.
Причалы,
лодки,
катера,
обрывы,
заросли
и пляжи,
сады у скал,
а дальше-дальше
весь город,
солнечный с утра…
Чуть шире пояса юбчонка,
волос лиловый водопад –
идёт по городу девчонка
туда, где улицы кипят…
Блуждать ей в парке,
как в лесу,
задорно слиться с пёстрым людом,
и жизнь считать
весёлым чудом,
и пить в сладкарницах бозу.
Смуглянка, бестия, огонь,
она мне щедро,
словно сердце,
стручок краснеющего перца,
ликуя,
бросит на ладонь.
И мне захочется, как ей,
дерзить,
смеяться
и резвиться.
И, словно в юности моей,
безоговорочно влюбиться.

Из книги «Волжские пристани» (1981)

Волжские пристани

Глядят по-старушечьи пристально
Крылатым «Ракетам» вослед
Бессменные волжские пристани,
Забывшие, сколько им лет.

Стоят теремки деревянные,
Старинным постройкам сродни,

И в ночи глухие туманные
Особо уютны они.

Любому приют они исстари
Среди полуночной воды.
За ними откосы лесистые
И улочек сельских ряды.

Повеет то клевером скошенным,
То хлебным дымком от села…
Надраены, как и положено,
Щербатые колокола.

И многого мне не хватало бы,
Как будто полжизни проспал,
Когда бы на старые палубы
Я в детстве порой не ступал.

Когда бы опоры испытанной
Не чувствовал я под собой
На Волге, ветрами пропитанной,
Зовущей в простор голубой...

И вновь добродушно и пристально
Глядят торопыгам вослед
Бессменные волжские пристани,
Забывшие, сколько им лет.

И жизнь молодая, широкая
Ведет свой стремительный счет.
И Волга своею дорогою
Из вечности в вечность течет.

* * *

Тамаре

Не могу не поверить примете,
Что с далекой поры дорога:
Вновь пас тянет, родная, на эти
Нашей юной любви берега.

Вновь мы утром сойдем с «Метеора»
Там, где старых берез шепоток,
Где взбирается лихо на гору
По мощеной тропе городок.

Мы с тобою не стали другими,
И сирень у домов молода,
И на досках резных берегини
Улыбаются нам, как всегда.

Городок Городец – малый Китеж,
Он резьбою, богат – не казной:

С каждой улицы Волгу здесь видишь
В деревянной оправе резной.

И нужны нам с тобой как дыханье,
Чтоб любовь оставалась жива,
И над Волгою зорь полыханье,
И веселой резьбы кружева.

Из книги «На свирепом ветру устоять» (2004)

Похороны Моцарта

Когда дроги с телом Моцарта добрались до городского вала, за гробом шел лишь один человек. Это был Сальери.

Зло без добра не проживет –
Об этом ветры пели.
До самых городских ворот
За гробом шел Сальери.

Дрожала вскинутая бровь.
В глазах слеза застыла.
О ненависть, ты как любовь –
До холода могилы!

Дощатый немудреный гроб.
Три гульдена за дроги...
Морщина рассекает лоб,
Душа его в тревоге.

Метель бушует впереди.
Клячонка тянет еле.
Но даже этому пути
Завидовал Сальери.

Пути, который до креста,
До самого финала,
Где меркнет всякая звезда,
Как ярко б ни сияла.

Молчала Вена.
Мир молчал.
И выл ветрами вечер.
Казалось, Реквием звучал
Из гроба злу навстречу.

Да, Моцарт жив!
Да, Моцарт жив!
Он встанет из могилы.
Он уличит тебя во лжи,
Мир черствый и постылый.

И он тебя переживет
В своей могучей вере...
До самых городских ворот
Один бредет Сальери.

* * *

Забытье... Немота... Ковыли...
Русь глубинная – вся ты, как есть,
Где погосты репьем заросли
И на плитах имен не прочесть.

Отчего ты забыла себя,
Для кого ты открыла пути
И, погибель свою торопя,
Водкой боль заглушаешь в груди?

Беспокойные сны октябрей
Поминальной свечою горят.
Ветры воют тоской пустырей,
Все живое сметая подряд.

И к чему этот глум, этот грим,
Эти пляски во время чумы?..
Он в мечтаниях был – Третий Рим,
Но его разбазарили мы.

Нет, не ждет впереди благодать.
И всего-то лишь надо теперь
На свирепом ветру устоять,
Выжить после бессчетных потерь.

Беспросветно вблизи и вдали,
Будто пала вселенская тьма.
Забытье... Немота... Ковыли...
Путь немереный, посох, сума...

* * *

Многое сделано без меня,
Многое сказано до меня,
Но только и моего огня
Нужна была эта частица,
Чтоб негасимую свечку
зажечь,
Чтобы заветное
в слово облечь,
Чтобы тем словом
душу сберечь
И теплом поделиться.